

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Стойкость духа

О судьбе мужественной семьи ленинградского актера Александра Масленникова

Есть в Ленинграде один музей. Довольно скромный и в общем-то не очень большой. Но, несмотря на скромность и внешнюю свою суровость, он буквально ошеломляет.

Музей этот — общественный, школьный — расположен он в 235-й городской школе. Сейчас здесь уже несколько тысяч экспонатов, касающихся жизни и деятельности ленинградских артистов, художников, композиторов, музыкантов, писателей в годы войны. Собственно, само название музея говорит за себя — «А музы не молчали».

Среди экспонатов есть одна фотография — незамысловатая, напечатанная на пожелтевшей бумаге, пошедшая от времени в коричневую, на снимке изображен человек с добрым простым лицом, с печалью, прочно поселившейся в глазах, с опущенными плечами. Это артист Театра музыкальной комедии Александр Анатольевич Масленников. Рядом под музейным стеклом лежат его письма, документы.

...В один из теплых воскресных дней, еще до войны, семья Масленниковых собралась за общий стол — так было принято: раз или два раза в месяц все откладывали свои дела, даже самые спешные, откладывали занятия, свидания и репетиции и собирались вместе, чтобы посидеть, поговорить, посмотреть друг на друга, спеть песню, попить чаю из самовара, да и рюмку водки пропустить (ничего тут грешного нет) — словом, это был общий семейный сбор. Стол обычно накрывали на одиннадцать человек. Присутствовали тут сам Александр Масленников, его супруга Капитолина Кондратьевна, трое сыновей, занимал свое почетное место дед, приезжали самые близкие родичи, без которых Масленниковы и жизни себе не мыслили. А потом вдруг все это кончилось.

Потянулись на фронт и актеры. Если не брали военкоматы — записывались в ополчение. Записался в ополченческий батальон и Александр Масленников — посчитал, что место его сейчас не на сценических подмостках, а в солдатском окопе где-нибудь под Колпином, в Красном Бору или на Пулковских высотах.

Цель жизни каждого сузилась до одного яростного желания — не отдать Ленинград фридам, удержать город, сделать все, чтобы и тепло у него было, и свет, и хлеб, и детишки уцелели. Вот в ту-то пору — кажется в ту, сейчас этого уже никто не может точно сказать, у Масленникова неожиданно умер сын. Известие словно бы осколком подшибло отца, но решения своего он не изменил — с закаменевшим лицом, с болью, что, похоже, надолго поселилась в висках, чуть сдавший, сгорбленный, поседевший, он уехал с ополченцами на фронт.

Жестокой зимой сорок второго года, когда в голодном, холодном городе звук метронома, передаваемый по радио (этот звук был ориентацией опасности, если метроном тревожно частил, то, значит, район обстреливали или бомбили, если был редким, спокойным, походил на удары здорового — не больного, а именно здорового сердца, значит, можно было отдыхать), вызывал невольный озноб, с оборонительных работ вернулся в Ленинград средний сын Валя.

Говорят, он не дошел нескольких метров до подъезда, славный парень Валя Масленников. Ослабший, опухший от голода, он потерял сознание, ткнулся головой в сугроб и через несколько минут умер от истощения.

Отец Александра Анатольевича — тот самый дед, которому было за столом отведено почетное место, — умер в эшелоне по дороге на Урал, куда его эвакуировали. От голода в осажденном Ленинграде умерли подряд все родственники Масленниковых. Оставались в живых только он сам, Капитолина Кондратьевна и старший сын Саша, который, как и отец, также находился на фронте, воевал «сухопутным» моряком на Неве, а экипажи воевали в пехоте — на кораблях оставалась горстка людей — тот самый минимум, который мог поддерживать жизнь на судне.

Страшная была та пора.

А Театр музыкальной комедии продолжал давать спектакли. В голод, в голод, в неотапливаемом помещении. Артисты выходили на сцену, играли веселые роли. Девушки, едва живые, сияющие, шатающиеся, выпархивали — ох какое неточное это слово «выпархивали», но со стороны это выглядело именно так — на подмостки в коротеньких платьицах со стеклярусом, в жемчужных блесках — они танцевали на фоне задников, где были нарисованы пальмы, море, солнце. А в зале в это время термометр показывал минус четыре — стоял самый настоящий мороз. Люди сидели в зале в валенках, в полушубках и шинелях, случалось, кто-нибудь из них не выдерживал и кричал, перебивая артистов:

— Да накиньте же на них что-нибудь!

Имелся в театре один стапливаемый закуток, там находился топчан. Если кто-нибудь просился на топчан, говоря: «Мне мутно что-то, пойду полежу чуток, согреюсь», то с этого топчана уже не возвращался. Так умер, например, главный машинист сцены Т. Х. Рогов. Во время спектакля он огляделся, спросил тихо, ни к кому не обращаясь, сам в себя: «Кому бы отдать монтировочный молоток?» Вскочил он скончался.

Всего умерли 64 сотрудника Театра музыкальной комедии. Шестьдесят четыре человека! Низко поклонимся им! Их имена святы для нас.

Работа шла каждый день, без перебива. Военный совет Ленинградского фронта поручил трем писателям — Всеволоду Вишневскому, Всеволоду Азарову и Александру Крону создать пьесу, которая смогла бы поддержать дух у бойцов, порадовать душу, была бы веселой, оптимистичной, чтобы люди хотя бы немного могли забыть о тяготах блокады, прийти в себя, отдохнуть. Писатели выполнили заказ Военного совета.

Имелась в этой пьесе, названной лихо, с матросской удалью «Раскинулось море широко», веселая бесшабашная роль моряка-заводило.

Для исполнения этой роли из ополчения был специально отозван Александр Анатольевич Масленников. Репетиции прошли удачно, спектакль получился таким, каким был задуман авторами, и вот — премьера!

За несколько часов до премьеры Александр Анатольевич Масленников получил с фронта казенный серый конверт со штемпелем части, где служил его старший сын Саша. У Масленникова даже руки задрожали, когда он принимал этот конверт от почтальонши. Вскрыв конверт и невольно охнул, зажмурился, закрутил голову, словно от удара в поддых, — это была похоронка.

Как потом рассказывали, Саша Масленников вытаскивал с нейтралки раненого товарища, вытаскивал, дотянул его до наших окопов, передал, и в это время осколок пригвоздил его к земле. Когда Сашу затащили в окоп, он был уже мертв. Товарищи передали отцу Сашины часы, большие, схожие с луковницей, с серебряным массивным корпусом, к которому были приварены ушки-петельки, чтобы ремешок держался, на стеклу для предохранения была надета специальная решеточка, похожая на старое автомобильное колесо. Помните, на автомобилях довоенной поры стояли форсистые колеса со спицами? Часы эти сейчас находятся в музее.

Наверное, с полчаса Масленников стоял, немо прислонившись спиной к какому-то косяку, морщился от боли и озноба, к нему подходили люди, что-то спрашивали, он в ответ беззвучно шевелил губами.

Очнувшись Масленников, лишь когда к нему подошел Григорий Полячек, режиссер, секретарь парторганизации театра.

— Саша, может быть... Может быть,

того, Саша... Заменю тебя в спектакле, а?

— Не надо, Гриша, все-таки премьера, — мотнул головой Масленников, стер слезы с глаз, — не надо. — Протянул Полячку похоронку. — Я прошу тебя, спрячь извещение. Не дай бог, если о нем узнает Капитолина. Для нее это — смерть. Стопроцентная смерть.

Масленников вышел в этот вечер на сцену и сыграл веселую роль, вызывая невольное восхищение публики, частые аплодисменты. Он выходил на «бис» и улыбался, а был практически еле жив. Весь театр, все актеры следили в этот вечер за ним, переживали, каждый был готов подстраховать его, помочь.

Он не знал, как войдет в собственный дом, что скажет жене — Капитолине ведь сразу все поймет, без всяких слов и объяснений, только в глаза взглянет — и все. Женщины — народ пронипательный, все и вся чувствующий. Но недаром Масленников был хорошим актером — Капитолина Кондратьевна так ничего и не узнала. Опасаясь за ее состояние, Масленников сам писал письма, подписывал их именем сына, отправлял на фронт, там письма штемпелевали печатью полевой почты и присылали назад — матери погибшего сына.

Так до конца дней своих Капитолина Кондратьевна и не узнала, что у нее больше нет детей.

Однажды Масленников вернулся с репетиции домой, в свою большую и такую щемяще-гулкую, совершенно опустевшую квартиру, увидел, что Капитолина Кондратьевна накрыла обеденный стол чистой, ломкой от крахмала, сохранившейся еще с давних времен скатертью, поставила одиннадцать приборов, как в ту безмятежную довоенную пору, когда все собиралось на общие обеды, около каждого стула оставалась ваза с водой, что-то говорила. Голос ее был заботливым, нежным, теплым. Масленников понял, что она говорила с мертвыми. Масленников попятился из квартиры прочь — надо было вызывать врача.

Он почти до самой смерти работал в театре, славный артист-балаганщик Александр Масленников, правда, последние роли его уже были облегченными, так специально делали — силы находились, увы, на исходе, здоровье барахлило, то одно подводило его, то другое, то третье, но умер Масленников, практически не покинув своего актерского поста, вызывая уважение и благодарность у тех, кто знал его, любил.

Валерий ПОВОЛЯЕВ.

Ленинград.